

ИЗ ИСТОРИИ ЛЕКСИКИ, ОБОЗНАЧАЮЩЕЙ ЕДИНИЦЫ ИЗМЕРЕНИЯ В ТОРГОВЛЕ В СТАРОМ БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

(По памятникам деловой письменности Великого княжества
Литовского XV — начала XVII веков)

3. ДАУНЕНЕ

Изучение лексики старого белорусского языка до сих пор остается одним из актуальных вопросов советского языкознания.

Настоящая работа является частью исследования о становлении и развитии одной из групп социально-экономической лексики (торговой) в старом белорусском языке на материале актового языка Великого княжества Литовского XV — начала XVII веков.

Исследуемый период для Белоруссии характеризуется ростом товарно-денежных отношений, в которые втягивалось и сельское хозяйство. Развивались города с их ремесленной и торговой деятельностью. К XVI веку на территории Белоруссии сложились обширные локальные рынки, центром которых были крупные города. Все больше продуктов сельского хозяйства и изделий ремесленников поступало на рынок. Они продавались не только в городах, но и вывозились за границу. В XV—XVI веках Великое княжество Литовское, в состав которого входили белорусские земли, поддерживало торговые отношения с Польшей, Прибалтикой (а через них и с другими странами Западной Европы), Русским государством.

С развитием торговли безусловно было связано и образование специфической, характерной для нее лексики.

В предлагаемой статье рассматривается лексика, обозначающая единицы измерения в торговле, в частности наименования мер сыпучих тел и жидкостей, а также названия весовых единиц.

Нас интересует вопрос об основных путях и источниках их формирования, вопрос о своеобразии названий единиц измерения по сравнению с другими славянскими языками — русским, украинским, польским, с которыми белорусский язык был связан в ходе своего исторического развития, а также дальнейшая судьба наименований этих мер. Следует оговориться, что мы не ставим перед собой специальную задачу определения реальных величин единиц измерения. Эти сведения заимствуются из имеющихся словарей и источников по метрологии.

Объектом изучения и источником фактического материала явились памятники актового языка Великого княжества Литовского XV — начала XVII веков, написанные на территории Белоруссии и Литвы¹. Это различные грамоты, акты государственного и частного характера и другие документы, среди которых находим довольно много материалов, отражающих состояние внутренней и внешней торговли Литовского княжества.

В работе при цитировании источников в основном сохраняется их написание. По техническим причинам произведена замена только *i*, *o* через *и*, *ф*.

Исследуемый материал объединен в две тематические группы.

Названия единиц измерения сыпучих тел и жидкостей

АНТЕЛОКГЪ. В исследуемых памятниках данное слово нам встретилось один раз (Мытная книга Берестейской таможни за 1583 год) в таком контексте: «*Крыштофъ Заливский, мѣщанинъ Виленский, съ Подгорья мѣлѣ вина полкуфковѣ 12 и антелокги 2, за 1 полкуфокъ шацовано, устава отъ каждого полкуфка по грошей 36 ...* (Арх. сб., 111, 291)².

Здесь это слово выступает в значении сосуда, служащего для перевозки и, по всей вероятности, измерения вина. Вместимость его по имеющемуся примеру определить нельзя.

В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского слово *антелокгъ* отсутствует, нет его и в «Материалах для терминологического словаря древней России» Г. Е. Кочина.

В качестве меры вместимости в древнем актовом языке «Северо-Западного края и царства Польского» Н. Горбачевским отмечено польское слово *antat*, которое обозначает «четверть бочки, 18 гарнцев» (Горб., 22) и является образованием от слова *antatek* (из венгерского *antalag*) (Брюкн., 5). В деловой язык Великого княжества Литовского это слово пришло, очевидно, также из венгерского языка.

Словари современного белорусского языка не отмечают слова *антелокгъ*, отсутствует оно и в современном русском и украинском языках. Как мера вместимости, равная 2 ведрам, *antatek* засвидетельствован в словаре польского языка под редакцией М. Дорошевского (Дорош., 1, 148), как сосуд для вина слово *antatek* приводится словарем Махека (Мах., 18).

БАРЫЛЬ. В качестве единицы измерения жидкости (чаще всего вина) в торговле наши памятники называют барыль. «*Юда Соломоновичъ, жидъ Виленский, мѣлѣ зъ Люблина до Вильни товаръ свой: вина барилъ 3, отъ кождого по грошей 6...*» (Арх. сб., 111, 305,

¹ Список использованных источников и соответствующие сокращения даны в приложении.

² Здесь и в дальнейшем при цитировании памятников цифрами указывается том, страница издания, а также время написания документа.

1583). «Шимонъ Гошковичъ, жидъ Дворецкий, мѣлъ товаръ свой зъ Люблина... вина б а р и л ь 2, отъ кожного по грошей 6...» (Арх. сб., 111, 314, 1583). «во всихъ мѣстахъ и мѣстечкахъ нашихъ, чоповое отъ всякого питья давати и платити мають, тымъ порядкомъ: ...отъ дрелинка, фодра и пол-фодра, шацуючи на б а р ы л ь; отъ б а р и л ы мальвазеи, мушкателю и вина волоского по 16 грошей польскихъ...» (АЗР, 111, 194, 1576). Что перед нами определенная мера жидкости, указывает в приведенных примерах и одинаковая пошлина от *барыла*, наполненного равноценным вином,— 6 грошей.

«Материалами» И. И. Срезневского это слово не фиксируется. В словарях В. И. Даля (1, 49) и А. Г. Преображенского (1, 55) отмечено слово *барило* с пометами «южное», «западное», в других словарях русского языка оно отсутствует. «Материалы» Г. Е. Кочина (25) дают существительное *барела* как меру, не указывая ее точной вместимости. Е. Тимченко считает, что *барило*, *барила* равно 24 гарнцам (Тимч., 1, 59). На то же указывает словарь древнего актового языка Н. Горбачевского (37).

Исследуемые памятники показывают, что лексема *барыль* как единица измерения была особенно распространена в XVI веке.

В белорусский язык слово *барыль* пришло из польского языка (в котором оно является заимствованием из итальянского *barile*, среднелат. *barillus*), на что указывают М. Фасмер (1, 56) и Е. Бернекер (44).

Слово *барыла* как единицу измерения жидкости (боченок мерою в 3 ведра и более) приводит словарь белорусского языка И. И. Носовича (16). В «Белорусско-русском словаре» данная лексема как название меры не отмечается. Словари современного русского языка также не дают ее. В современном украинском языке *барило* известно в значении «боченок» вообще, оно не обозначает определенной, точной меры (УРС, 1, 34). Со значением меры слово *baryła* живет в польском языке с XV века (Брюкн., 17; Карл., 1, 102; Дорош., 1, 363).

БОЧКА. Слово *бочка* широко представлено белорусскими письменными памятниками XV — первой половины XVII вв. в значении меры жидкостей и сыпучих тел. В торговле это оптовая мера вина, зерна, соли, рыбы и др. товаров. Пользовались ею как во внутренней, так и во внешней торговле. «Тежъ тые купцы чужьи опричь ярмарку подъ тую меру продавати мають... вино какое — кол(ь)ве и пиво немецкое и иншое питье чужое — б о ч к о ю целою» ... (РИБ, XXVII, 703, 1498). «...и продавали водлѣ уставы нашей... : за копу жита осмъ грошей, за б о ч к у жита десять грошей...» (АЗР, 111, 107, 1559). «Панасъ Сергуновичъ, мѣщанинъ Берестейский, мѣлъ съ Торуня селедцовъ б о ч о к ь 8...» (Арх. сб., 111, 289, 1583).

Долгое время в Великом княжестве Литовском объем бочки как единицы измерения точно не был определен. По Литовскому Статуту 1588 г. бочка состояла из 4 корцов, а четверть была равна одному корцу. Постановлением сейма 1613 г. была определена мера для сыпучих тел в Вильне, Ковне и на Жмуди — бочка, равная 72 гарнцам.

Наши памятники называют целый ряд словосочетаний со словом *бочка*, которые употребляются как составные термины.

БОЧКА МЕРНАЯ, *бочка померная* — т. е. служащая для измерения: «И тамъ же на ратуши мають мети бочку мерную и медницу зъ знаменьемъ местскимъ» (БА, 111, 18, 1552). «Въ которомъ мѣстѣ Липскомъ бочку по мѣрную четырехъ корцовъ мѣры Краковской, вольную къ вымѣриванью всякого збожъя обывателемъ тогожъ мѣста Пинского привлацаемъ и приписуемъ» (АЗР, 111, 263, 1581).

БОЧКА РАТУШЪНАЯ — тоже служащая для измерения, но название дано, очевидно, по тому, что хранилась такая бочка в ратуше: «...а тогды была ратушъная бочка жита по семидесятъ грошей.» (РИБ, XX, К. 11, 1085, 1506—1523).

БОЧКА ТОРГОВАЯ: «А продаванье збожъя гуменного маеть быти на личьбѣ принято, по чомъ врьдникъ положилъ, яко продавати: для того для всихъ подданыхъ мають быти бочки торговые въ мѣстѣхъ, дворѣхъ и гумнахъ нашихъ ... однакожъ мѣры, по чотыри корцы краковскихъ...» (АЗР, 111, 77, 1557—1558).

БОЧКА МЕСТЪСКАЯ — т. е. городская: «...и бочку местъскую въ месте его на Ивенъцы казала збити...» (РИБ, XX, К. 11, 1085, 1506—1523).

БОЧКА ДВОРНАЯ: «...а тое жыто роздаваючи на весну людем в отсыл, у-в осени за каждую копу бочку дворную жыта брати...» (ЗА, 29, 1529).

Бочка местъская и *бочка дворная* — единицы измерения объема, очевидно, равные *торговой бочке*, названные же по месту использования — «въ мѣстѣхъ, въ дворѣхъ» (см. пример к «*бочка торговая*»).

В связи с тем, что бочка как мера вместимости не везде была одинаковой³, для нее существовали определенные наименования по названию города или местечка. Чаще это словосочетания из существительного *бочка* и прилагательного, образованного от названия города или местечка (например, *посвальская бочка* — от Пасвалис), или словосочетания из слова *бочка* с несогласованным определением, выраженным существительным «мера» в род. пад. и прилагательным от названия города или местечка (*бочка меры Виленское, бочка меры Менское, бочка меры Лукомъское, бочка меры Крокиновское* и др.).

В наших памятниках встречается и образование от слова *бочка* — *полбочки*, которое обозначает меру вместимости, равную $\frac{1}{2}$ бочки. «...а у возе было ечменю бочка меры крокиновъское, гороху полъбочки, соли пундели два» (АВАК, XXVI, 131, 1585).

Слово *бъчька, бочька* отмечается «Материалами...» И. И. Срезневского с XIII века, в значении единицы измерения оно приводится из Псковской судной грамоты (1397—1467 гг.): «Кнѣжимъ

³ См. работу «Литовско-польская метрология с переложением, ее на русскую» в «Археографическом календаре на 2 тысячи лет по Юлианскому счислению», сост. Н. Горбачевским, Вильно, 1869.

людemъ по дворамъ корчмы не держат... ни в ведро ни в корецъ ни бочкою меду не продавати...» (Срезн., 1, 201). А. Дювернуа в «Материалах для словаря древнерусского языка» дает существительное бочка как меру зерна (1, 7). Г. Е. Кочин приводит слова бочка, бочьца в значении меры сыпучих тел и жидкостей наряду со значением «сосуд для хранения пищевых продуктов» (32).

Хотя в Русском государстве и Великом княжестве Литовском бочка употреблялась как единица измерения, однако вместимость ее была разной. Соотношение бочки как меры Великого княжества Литовского и русской меры приводит в своем словаре Н. Горбачевский: литовская бочка равна 12 русским четверикам и 2 гарнцам, польская бочка — 10,976 русским четверикам (38).

В современном литературном белорусском, русском и украинском языках слово бочка известно как сосуд для хранения продуктов. С значением меры это слово сохранилось в некоторых белорусских говорах, отмечается оно, например, в Вилейском р-не Минской обл., Ошмянском р-не Гродненской обл. (Карт. бел. говоров, каф. бел. яз. БГУ).

Данное слово как единица измерения жидкостей и сыпучих тел различной величины в разные времена отмечается словарями польского языка (Карл., 1, 110; Дорош., 1, 390).

БОЧКА КРАКОВКА или просто **КРАКОВКА** — наименование меры вместимости сыпучих тел. «На витинѣ Матея Ламана фрахтовной... провади до Кролевца... якелъ або пшона фасъ 18, в нихъ бочокъ краковекъ 73...» (АВАК, XIV, 651, 15... Отрывок из таможенной книги мест. Королевца). «...абы они по старому, отъ краковки пшеницы по два грошы давали...» (АЗР, IV, 58, 1592). Данное слово отсутствует в словаре И. И. Срезневского, не отмечается оно и другими словарями русского и других славянских языков, в том числе и польского языка. Исследуемые памятники показывают, что данное слово бытовало в XVI веке. Очевидно, оно возникло на местной почве, обозначая, определенную меру вместимости — бочку, равную той, которая была распространена в Кракове.

В современном белорусском, русском, украинском и польском языках слово *краковка* не отмечается.

ГАРНЕЦЪ (*гарнецъ*). Это название меры сыпучих тел и жидкостей. Обычно *гарнем* измеряли зерно, вино, мед, масло. «...и кгда дей зять... почастку тестю своему... купивши колько гарцовъ меду, учынилъ...» (АВАК, XX, 218, 1610). «...а купцы розмаитые, которые отколь кол(ъ)векъ до места Виленского приеждяючи, товары свои каменемъ, фунтомъ, на локеть, на гарнетъ продают...» (РИБ, XXX, 516, 1568).

Слово *гърньць-гръньць-горнецъ* отмечается «Материалами» Срезневского (1, 616), *горнецъ* — «Материалами...» Кочина (66), но в значении «котел», «горшок», а не единицы измерения. Как название единицы измерения данное слово выступает в «Толковом словаре...» В. Даля (1, 344). Он указывает, что *гарнецъ* — это мера сыпучих тел,

особенно зерна, восьмая доля четверика, $\frac{1}{64}$ четверти. В словарях украинского языка слово *гарнецъ*, *гарнець* представлено как единица измерения жидкости (Гр., 1, 31). Тимченко для иллюстрации дает примеры из памятников XVII, XVIII веков (1, 510).

Белорусские памятники XVI века показывают, что данное слово было распространено в значении единицы измерения и жидкостей, и сыпучих тел. Н. Горбачевский в своем словаре приводит слово *garnies* в значении основной единицы литовской меры жидкостей и сыпучих тел, равной $\frac{1}{144}$ части бочки — *шинковый гарнец*, $\frac{1}{72}$ — *гарнец цеховой* (Горб., 140). Позднее их величина была определена законом (1776 год).

На существование в польском языке слова *garnies* в значении меры объема указывают словари под редакцией Карловича (1, 807), Дорошевского (II, 1051) и др. Они характеризуют его как старопольское, обозначающее меру объема, равную 4 квартам.

Написание *кгарнецъ* в исследуемых памятниках (передача взрывного *г* сочетанием *кг*), отражающее произношение, не свойственное белорусскому языку, говорит о том, что слово пришло из другого языка. По всей вероятности, таким языком был польский.

Памятники дают образования от слова *кгарнецъ*, подтверждающие, что он являлся распространенной единицей измерения объема: *полкгарца* («...коновку цыновую в кгарнецъ одну, а другую тежъ цыновую в полкгарца» АВАК, XX, 183, 1601); *полкгарцовка* («цыны кгарнец и полкгарцовка одна» АВАК, XXXIII, 230, 1625); *кгарцовая*, *двакгарцовая* («...фляша цыновая двакгарцовая..., фляшь склянныхъ чотыры зъ трубками цыновыми кгарцовые» АВАК, VIII, 485, 1599).

Слово *гарнецъ* отмечается словарем Носовича в двух значениях: 1) восьмая часть четверика, 2) четвертая часть ведра (731). В этом значении оно известно и современному белорусскому языку. Как меру сыпучих тел и жидкостей фиксирует слово *гарнец* «Белорусско-русский словарь» (202). Приводится оно в словарях русского и украинского языков, в некоторых случаях с пометой «устарелое» (ССРЯ, III, 41; УРС, 1, 317).

ГЛЯКЪ. Данное слово выступает в значении меры масла, «олею». «...а гляки на проданъе олею мают быти ровные, цехованные...» (ИЮММВ, 340, 1583). «...а с стороны продаваня олею кождый олейник не мает продавать гостю без ведомости старостиной и то не более и ни мъней мает продать толко 5 гляков олею...» (ИЮММВ, 340—341, 583).

«...от олею кождый мещанин олейник, продавшы колко глеков, мает дать от кождого глека по пенезю одному...» (ИЮММВ, 376, 1623).

В таком значении слово *глякъ* не отмечается ни одним словарем, просмотренным нами. Обычное значение его — сосуд, *кувшин* с узким горлышком.

Первую документацию слова *гъльк-голкь* (сосуд, кувшин) дает Мстиславово евангелие Московского Архангельского собора до 1117 года (Срезн., 1, 612). С этим же значением живет лексема *глякъ* во всех восточнославянских языках. В польском языке и других славянских языках она отсутствует.

Значение «мера масла» у слова *глякъ* отмечается исследуемыми памятниками второй половины XVI — начала XVII веков. Так как слово *глякъ* с данным значением не обнаружено в просмотренных нами словарях, можно думать, что оно является принадлежностью только старобелорусского языка.

В современном белорусском языке живет слово *гляк* со значением «горшок с узким горлышком» (БРС, 210), «большой жбан для меду» (Матэрыялы, 85), значение меры не сохранилось.

ДРЕЛИНКЪ. Это мера вина, правда, не очень распространенная. В нашем распоряжении имеется один пример из «Уставной грамоты Литовским старостам и державцам о денежном сборе с жителей»: «...во всихъ мѣстахъ и мѣстечкахъ нашихъ, чоповое отъ всякого питья давати и платити мають, тымъ порядкомъ... от дрелинка, фодра и пол-фодра, шацуючи на барылъ, по 20 грошей польскихъ...» (АЗР, III, 194, 1576). Об определенной вместительности *дрелинка* судить трудно.

Слово это не засвидетельствовано «Материалами» И. И. Срезневского, не отмечается оно и «Материалами» Г. Е. Кочина.

В старом белорусском языке *дрелинкъ*, вероятно, из старопольского, в котором оно обозначало меру вина в 30 ведер (Брюкн., 95; Карл., 1, 554; Арцт, 56). В польском языке это заимствование из немецкого — *Dreiling*. Слово *дрелинкъ* отмечается в изучаемых памятниках XVI века (1576 г.). Данное слово отсутствует в современном белорусском языке. Нет его и в современных русском и украинском языках.

КВАРТА. Данное слово выступает в значении меры жидкости, равной $\frac{1}{4}$ части гарнца. «...Яко бы одъ тисеча кварта купленое горелки одъ кождое кварталы по пенезю одному дати не мелъ...» (АВАК, XXVIII, 51, 1598). «...а гляки на проданье олею мают быти ровные, цехованые... также мают быти кварталы ровные...» (ИЮММВ, стр. 340—341, 1583). «...отъ кварталы горѣлки пѣнязей два...» (АЗР, IV, 250, 1605).

Слово *кварта* не зафиксировано словарями Срезневского, Кочина, Дювернуа.

Рассматриваемые памятники отмечают это слово во второй половине XVI века. В русском языке оно, очевидно, также появилось не раньше XVI в.

Можно полагать, что в белорусский язык существительное *кварта* пришло через посредство польского языка (латинское *quarta*), поскольку данный период (XVI в.) характеризуется некоторой общностью социальной и экономической жизни для Великого княжества Литовского,

где государственным языком был «русский», и Польского государства.

Данное слово известно и позднее в белорусском языке. Словарь Носовича отмечает слово *кварта* как «четвертую долю гарнца, ныне двадцатую долю ведра, бутылку» и образованные от него *квартовка* (мера и 4 четверика), *квартовый* (равняющийся мерою кварте) (Нос., 232). Отмечается слово *кварта* и в современном белорусском языке (БРС, 387). Со значением меры засвидетельствовано оно также в русском (ССРЯ, V, 905) и украинском (УРС, II, 320) языках. В польском языке слово *kwart* живет как древняя мера жидкости и сыпучих тел, равная $\frac{1}{4}$ части гарнца (Дорош., III, 1337).

КЕТВИРТАЙНЯ. В деловом языке памятников это мера зерна, причем употребляемая в глубине Литвы. Нам встретилось это слово в «Инвентаре Плотельской державы» (из актов книги Россиенского земского суда): «...*стаций зъ волоки стародавное осълое жита по кетвиртайни, а по другой кетвиртайны овса мъры торговое Плотельское, а съ трохъ волокъ пшеницы кетвиртайня, ечменю кетвиртайня...*» (АВАК, XIV, 312, 1585). Что эта мера была и торговой, можно заключить из фразы: «*кетвиртайны овса мъры торговое Плотельское*».

Данное слово вошло в актвый язык из литовского языка, где *ketvirtainė* — четвертая часть, четверть чего-либо. В исследуемых памятниках, вероятно, это — четверть бочки.

Слово *кетвиртайня* отмечается К. Яблонским в работе „Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos raštinių kalboje“⁴. Он приводит еще один пример из актвого языка, подтверждающий употребление этого слова в значении меры, используемой в торговле: «*Пограбилъ ечменю кетвиртайню, купленную за двадцать и пять грошей литовскихъ*» (1595, Kolainiai Patumšč v.).

В современном белорусском языке слово *кетвиртайня* не сохранилось.

КОРЕЦЪ. Это название меры сыпучих тел и жидкостей. По Статуту Великого княжества Литовского 1588 года эта мера была равна $\frac{1}{4}$ бочки. Более ранние документы показывают, что *корецъ* также равнялся $\frac{1}{4}$ бочки. «...*для того («продаванья збож(ь)я» — З. Д.) и дъля всихъ подданныхъ мають быти бочьки въ местехъ торговые... однакое меры, по чотыры корцы краковскихъ...*» (РИБ, XXX, VI, 555—556, 1557 «Устава на волоки»). «*Торговое на врьдъ маеть быти брано зъ людей приѣзжихъ на торгъ, то есть: отъ мъры всякого збожья и отъ солодовъ, отъ бочки ново въ мъру чотырехъ корцовъ постансвленной пънязей по чотыри, а отъ корца по пънязю одному...*» (АЗР, III, 113, 1561).

В наших памятниках *корецъ* встречается как без определения, так и с определением «*краковский*». Обычно в различных постановле-

⁴ К. Jablonskis, Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos raštinių kalboje, Kaunas, 1941, p. 85.

ниях чаще выступает *корець краковскій*, но встречается и просто *корець*. Очевидно, такое определение нужно было для того, чтобы подчеркнуть единую для всех городов и местечек вместительность корца как официальной меры (может быть, равной той, которая существовала в Кракове), т. к. в разных местах корцы могли быть различными по объему. В документах частного характера обычно дается *корець* без определения. Исследуемые памятники называют также меру в $\frac{1}{2}$ корца — *полькорца овѣса* (БА, II, 22, 1530).

Первую документацию слова *корець* в значении меры дает «Псковская судная грамота» (1397—1467) (Срезн., 1, 1293). Как меру сыпучих тел и жидкостей отмечают слово *корець* «Материалы...» Кочина (155). Данное слово в значении меры известно во всех восточнославянских языках (Даль, II, 163; Добр., 343; Гр., 1, 819; Нос., 246), а также в некоторых языках западных и южных славян: в польском — *korzec* (Карл., II, 484; Дорош., III, 1030), чешском — *kopec* (старочешское — *kořec*). (Голуб, 180; Мах., 221; ЧРС, 218), словенском — *korč* (Бернек, 579). И. И. Носович считает, что *корець* является древней славянской мерой. Е. Бернекер также склонен думать, что данное слово не является заимствованием, исходя из того, что слово *корець* (и в значении «сосуд») распространено почти во всех славянских языках (отсутствует только в сербохорватском). Этой же точки зрения придерживается В. Махек. Он указывает, что уже праславянское *korьсь* является мерой зерна.

В современном белорусском, русском и украинском языках слова *карэц*, *корец* в значении меры объема для сыпучих тел и жидкостей являются устаревшими.

КОШЪ. Данное слово является наименованием единицы измерения в торговле. Памятники показывают, что *кошем* обычно измерялись привозные товары: «розинки» и «фиги». Слово *кошъ* мы находим во всех привилеях городам, где указывается, какие товары каким способом должны продаваться. Например, «*Тежъ тые купцы чужыи опричь ярмарку подъ тую меру продавати мають... фиги розинки — кошъ...*» (РИБ, XXVII, V, 703—704, 1498, «Привилей Полоцку на Майдеборское право»; то же в «Привилее Менску на Майдеборское право» — РИБ, XXVII, V, 742, 1499 и др.).

Точный объем *коша* по имеющемуся материалу определить трудно. По всей вероятности, это не была точная мера, т. к. она могла вмещать различное количество товара по весу. «*Павелъ Григорьевичъ Случанинъ мѣлъ зъ Люблина товаръ свой: ...розинковъ кошъ, въ немъ камней 5...*» (Арх. сб., III, 306, 1583). «*Павелъ Миколаевичъ, мѣщанинъ Виленскій, мѣлъ зъ Люблина товаръ свой у коробы: ...розинковъ кошъ камней 6..., фикгъ кошъ камней 10...*» (Арх. сб., III, 309, 1583).

Слово *кошъ* приводится «Материалами...» И. И. Срезневского.

Первая документация слова дается Остромировым евангелием 1056—1057 гг. Но *кошъ* здесь обозначает корзину. Как единица изме-

рения это слово выступает в западнорусских памятниках (Привилей мѣсту Полоцкому 1498 г., Привилей мѣсту Менскому 1499 г.), из которых в словаре даются примеры (Срезн., I, 1306).

Данное слово со значением «корзина» и др. является словом общеславянским, на что указывают В. Махек (225) и Е. Голуб (182). Но значение единицы измерения у слова наблюдается только в польском языке (Карл, II, 493; Дорош., III, 1047). Используемые словари других славянских языков этого значения не отмечают.

Существительное *кошъ* в значении меры отмечается нашими памятниками с конца XV века, живет как активное слово на протяжении исследуемого периода.

Памятниками дается уменьшительная форма от *кошъ* — *кошикъ*. Это тоже мера для указанных товаров, но объем которой не ясен. «*Михайло Савинъ, мѣщанинъ Менский, провади съ Кролевца... розинокъ кошъ 1, фикги кошики 2...*» (АВАК, XIV, 649, XVI в.).

В современном литературном белорусском языке слово *кош* не сохранило значения меры.

КРОШНЯ. В исследуемых памятниках слово *крошня* выступает как синоним слова *кошъ*. Оно также является единицей измерения для «фикгъ» и «розинокъ» при купле и продаже. Мы располагаем одним примером с этим словом из «Грамоты короля Сигизмунда I о перемене в Новгородке русского права на немецкое»: «*Теж мают продавати... фикги розинки крошнеми...*» (СДГАМ, 4, 1511).

В «Материалах...» И. И. Срезневского дается слово *крошня* со значением «корзина». Засвидетельствовано оно в «Хронографе XVII века Московского Публичного музея» (Срезн., I, 1332). Рассматриваемые памятники отмечают данное слово значительно раньше, в начале XVI века (1511 год).

Вероятно, слово *крошня* со значением, свойственным русскому языку (плетеная корзина), было принадлежностью и древнерусского языка. Слово с этим значением широко известно в русских диалектах (Даль, II, 199; ООС, 93; Кул., 43; Подв., 75; Мельн., 97). Отмечается оно и в украинском языке как «рыболовный сак» (Гр., II, 847). Словари белорусского языка слова *крошня* не фиксируют. Но надо думать, что это слово жило и в старом белорусском языке (что подтверждает и наш материал), но первоначально с тем же значением, что и в русском языке.

Со значением меры слово *крошня* не отмечается и другими славянскими языками, в том числе и польским.

Очевидно, новое значение слова *крошня* — значение меры — было особенностью старого белорусского языка.

КУФА. Слово *куфа* имеет значение меры вина, обычно «малмазеи». «*Миколай Каниковский, мѣщанинъ Виленский, зе Львова мѣлз малмазеи к у ф ъ 3, отъ кождое водлуг уставы по грошей 80...*» (Арх.

сб., III, 292, 1583). «Отъ к у ф ы малмазии копа одна и грошей двадцать...» (АЗР, IV, 250, 1605, Уставная таможенная грамота Виленским торговым людям). О вместительности *куфы* наши памятники ничего не говорят. И. И. Носович указывает, что *куфа* была мерою в 40 ведер (737). О том, что это мера жидкости, говорит Ф. Пискунов в своем словаре (120). В. Даль отмечает *куфу* как меру в 30 кварт (228).

И. И. Срезневский в «Материалах» не приводит данного слова в нашем значении, у него *куфы* — пустой внутри, полый (1, 228), у Кочина его также нет.

Слово *куфа* в белорусском языке является заимствованием из немецкого (*Kufe*) через польский язык.

Словарями современного белорусского языка слово *куфа* не регистрируется. Как устарелое отмечается оно со значением бочки в словарях современного русского и украинского языков.

В польском языке слово *kufa* имеет значение «большая бочка, кадь» (Дорош., III, 1263 г.).

Значительно чаще, чем *куфа*, в значении меры вина выступает *полкуфокъ*. Обозначает это слово половину *куфы*. «Крыштофъ Заливский, мѣщанинъ Виленский, съ Подгорья мѣлъ вина полкуфковъ 12... за 1 полкуфокъ шацовано, устава отъ каждого полкуфка по грошей 36...» (Арх. сб., III, 291, 1583). «...чоповое отъ всякого питья давати и платити мають, тымъ порядкомъ: напередъ, отъ полкуфка вина 40 и 8 грошей польскихъ». (АЗР, III, 194, 1576).

В современном белорусском языке это слово не сохранилось. В этом же значении польскому языку известно слово *rólkufek* (Линде, IV, 308).

МЕДНИЦА — наименование единицы измерения для меда и других жидкостей. «...тамъ же на ратушу мають мѣти бочку мѣрную и медницу и зъ знамен(ь)емъ местскимъ...» (РИБ, XXVII, 705, 1498). «...а у возе было меду пресного медницъ чотыры меры Ковенское, кожда медница куплена по полъосмадесять грошей литовскихъ...» (АВАК, XXVI, 40, 1585). «...купилъ дей былъ онъ ку потребѣ своей меду прѣсного кадокъ осьмъ и горшокъ девятый, въ которыхъ дей было всего меду медницъ тринадцать — по двѣ копѣ грошей литовскихъ купленныхъ...» (АВАК, VIII, 559, 1606).

Данное слово широко представлено исследуемыми памятниками с конца XV века («Привилей Полоцку на Майдеборское право», 1498 г.). Вместимость *медницы* не была одинаковой в разное время и в разных местах. Поэтому мы встречаем такое сочетание «*медница меры Ковенское*». Литовским Статутом 1588 года предусматривается, чтобы «*медницы тежъ и кваръты, кгар(н)цы абы были по всему паньству нашому Великому князству Литовскому равные и однакое меры, яко суть у месте нашомъ столечномъ Виленскомъ*» (Лит. Ст., 1588, III, арт. 36). Однако о точной вместительности *медницы* по исследуемым памятникам судить трудно.

Слово *мѣдница* живет и в древнерусских памятниках. Впервые засвидетельствовано оно в Юрьевском евангелии после 1119 года. «Материалы...» И. И. Срезневского наряду с другими значениями этого слова отмечают значение «мера». Однако пояснений никаких не дается (Срезн., II, 239).

Подобные значения, кроме значения меры, засвидетельствованы у данного слова в белорусском языке словарем Носовича (296), в русском языке словарем В. Даля (II, 368), в украинском — словарем Б. Гринченко (I, 966) и «Украинско-русским словарем» (II, 518).

В современном белорусском языке живет слово *мядница* только в значении «медный таз» (БРС, 459); «большая эмалированная миска» (Матэрыялы, 102, 156).

Со значением меры для меда, равной 12 гарнцам, слово *miednica* известно в старопольском языке (Карл., II, 952; Линде, III, 89).

Просмотренные нами словари других славянских языков не фиксируют данного слова с таким значением.

МЕРА. Исследуя единицы измерения, которыми пользовались в торговле Великого княжества Литовского, мы ограничимся здесь рассмотрением только 2 значений слова *мера*: 1) общее название единиц измерения, 2) наименование конкретной меры для жидких и сыпучих тел. Слово *мера* в первом значении представлено очень широко. Например: «*Про тожь тыи купцы чужыи опричь ярмарку подь тую м е р у будуть куповати воски въ одной штуце по полуберковеску, соболи, кунцы и тхори по сороку, белку, горностая, ласицу и норицу по полтретяста, попелъ а смолу лаштомъ...*» (РИБ, XXVII, V, 703, 1498). «*...абы воеводы и старосты, во врьдѣхъ своихъ, того сами або черезъ врьдниковъ своихъ досмотрѣли, штобы была ровность въ мѣстѣхъ въ торгахъ, въ мѣрахъ и вагахъ...*» (АРЗ, III, 57, 1554).

В Великом княжестве Литовском в исследуемый период не существовало единых мер для всего государства, а устанавливались они отдельно в каждом воеводстве. Это нашло свое отражение и в старом белорусском языке. Мы находим множество словосочетаний с существительным *мера*, в которых определение в большинстве случаев выражено именем прилагательным, образованным от существительного — названия города или местечка: *мера Берестейская, мера Виленская, мера полубочковая Виленская, мера Городенъская, мера Ковенская, мера Краковская, мера Крокиновъская, мера Лукомъская, мера Менская, мера Могилевская, мера Овруцъкая, мера Парцовская, мера торговая Плотельская, мера Пинская, мера Слонимская, мера торговая Слонимская*. Кроме того, встречаются еще такие словосочетания со словом *мера*: *однакая мера, мера торговая, мера купецкая, мера у стрыхъ, подь стрыхъ, верховата мера*.

В значении конкретной единицы измерения для жидких и сыпучих тел слово *мера* употребляется реже «*...на то далъ десеть мѣр ъ жита, на тотъ часъ жито куповано мѣру по полторы копы...*» (АВАК, IX,

469, 1626). «...на тымъ же возе было бочка соли и две меры меду...» (АВАК, XXVI, 426, 1586).

Слово *мера* является общеславянским (Мах., 297). В памятниках древнерусского языка отмечаются оба указанных значения (Срезн., II, 242).

Сохраняются они и в современных белорусском, русском и украинском языках.

Наши памятники называют слово, образованное от *меры*, — *мерка*, которое выступает в значении единицы измерения зерна. «...бо дей Масей купилъ жита полбочки за полкопы грошей, а Пахно мерку прудовую за пять грошей» (АВАК, XVIII, 195, 1603). По-видимому, в наших памятниках *мерка* была разной вместительности. Определение «*прудовая*» (от *прудъ* — мельница) в данном случае отличает ее от других мерок.

Слово *мерка* как мера для жидкости приводится словарем Г. Е. Кочина (189). Данное слово со значением меры известно всем восточнославянским языкам. Словарем И. И. Носовича слово *мѣрка* отмечается как хлебная мера в 20 гарнцев (296), в украинском языке слово известно со значением меры сыпучих тел в 8 гарнцев (Гр., I, 968), в русском языке это — единица емкости для сыпучих тел, равная приблизительно одному пуду зерна (Даль, II, 368). Отмечается данное слово и в современном белорусском и украинском языках. Живет оно в польском языке (Дорш., IV, 615).

МЕХЪ. В наших памятниках это мера соли. «...а который з нас купить альбо продаст мех соли, тот мает вяжчого дать на место по полгроша...» (ЦАДА, ф. 389, кн. 78, 37—38, 1596). «...ижъ важъное от(ъ) нее непомерное берутъ: межи собою от(ъ) чотырехъ меховъ соли берутъ по грошу широкому, а зъ нее от(ъ) каждого меха соли по грошу — жъ широкому...» (БА, II, 74, 1532). О том, что и в Московском государстве в XVI веке соль продавалась мехом, говорит Н. Костомаров в книге «Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях»⁵.

Как меру сыпучих тел дают это слово «Материалы...» Г. Е. Кочина (190). Вероятно, с этим значением слово *мехъ* является восточнославянским.

В современном белорусском языке слово *мех* известно в 2 значениях: 1) мешок (тара), 2) мера (м. бульбы) (БРС, 448). В русском языке слово *мех* не сохранило значения меры.

ПИПА. Данное слово обозначает меру вина. Встретилось оно нам в «Жалобе полоцких мещан на рижан по поводу притеснений в торговле» (1615 г.) в таком контексте: «отъ каждого лашту селедцовъ въ разъ (!) берутъ по шесть грошей польскихъ, а отъ каждое пипы вина по осьмнадцать грошей польскихъ...» (АВАК, VIII, 502, 1615).

⁵ Н. Костомаров, Очерки торговли Московского государства в XVI и XVII стол., СПб, 1862, стр. 193.

«Материалы...» И. И. Срезневского и Г. Е. Кочина не фиксируют этого слова. Н. Горбачевский приводит слово *pira* в значении меры для жидких тел, указывая вместимость шведской (469,07 литра=38,135 рус. ведра) и русской (440,7 литра=35,829 рус. ведра) пипы (Горб., 257).

Слово заимствованное. Пришло, по-видимому, через польский язык из романских языков. А. Брюкнер считает, что *pira* в польском языке из итальянского, где оно обозначает бочку (415). В современном белорусском языке слово *пипа* не сохранилось.

Словарь В. Даля приводит это слово как иностранную меру вина, бочку, равную 40—50 ведам (III, 111). Словарь современного русского литературного языка дает это слово в значении меры жидкостей в ряде стран Европы как устарелое (ССРЯ, IX, 1202).

ПОЛУБОЧОКЪ. Слово *полубочокъ* встречается в наших памятниках как без всякого определения, так и в сочетании с прилагательным «виленский» — *полубочокъ виленьскій*. Обозначает оно меру зерна, «...а тогда былъ полубочокъ виленьскій по пятидесять грошей.» (РИБ., XX, 875, 1506—1523). «...а после того взялъ в него свирепу за полторы копы грошей широкихъ... а взял(ъ) еще въ него осмъ полубочъковъ ржи, а чотыре полубочъки пшеницы, а три полубочъки ячменю...» (БА, 11, 184, 1533).

Мера эта не оставалась постоянной. Так, в «Просьбах литовских чинов, дворян и рыцарей королю Сигизмунду Августу на Виленском сейме и ответах королевских на них» (1547 год) говорится: «...и жъ отъ сего часу быти маеть мѣра полубочокъ виленскій такъ великъ, который бы въ собѣ несъ двѣ бочки, въ которыхъ бы было въ обѣихъ осмъ корцовъ ровныхъ, безъ верху и тряsenья...» (АЗР, 111, 11, 1547). В «Уставе на волоки» (1557 год) определяется другая вместимость *полубочка виленского*: «...«для того и дѣля всихъ подданныхъ мають быти бочъки въ местехъ торговые... одинакое меры, по чотыри корцы краковскихъ, въ которыхъ корцовъ на тотъ часъ десеть въ полубочку виленскомъ...» (РИБ, XXX, 555—556, 1557).

Лексема *полубочокъ* не зафиксирована «Материалами...» Срезневского, не приводится она и в словаре Кочина. Из всех словарей славянских языков, просмотренных нами, засвидетельствовано слово *полубочок* только в словаре украинского языка Б. Гринченко в значении «боченок ведер в 10—15» (1, 292). Примерно с таким же значением в древнерусском языке отмечено слово *полубочие*, в значении «полбочки» (Срезн., II, 1139). В русском языке *полубочье* в значении половины сорокаведерной бочки живет в новгородских и псковских говорах (ООС, 168).

Польскому языку в этом значении известно слово *rótbeczek* (Линде, IV, 298).

В исследуемых памятниках это не боченок, а большая бочка, равная 8—10 корцам, тогда как обыкновенная бочка вмещала 4 корца.

Существительное *полубочокъ* в значении меры является, очевидно, образованием старого белорусского языка. Фиксируется оно изучаемыми памятниками с первой четверти XVI века:

Отмечается памятниками и прилагательное, образованное от *полубочокъ* — *полубочковая*: *мера полубочковая виленская* (АЗР, III, 11, 1547).

Словари современного белорусского языка не приводят слова *полубочокъ*. Нет его и в словарях современного русского и украинского языков.

СОЛЯНКА. Данное слово выступает как единица измерения объема сыпучих и жидких тел, используемая и в торговле. «*Зъ Менъска послано живности до Лепля и писано въ листе пана подскарбега, абы панъ Онিকেи мясо старое продавати казалъ: полоть болший — за 35 гр(ошей), подъ тымъ менший — за 30 гр(ошей), еще подъ тымъ менший — за 24 гр(оши), вельми малый — за 20 гр(ошей), крупъ солянка татарчаныхъ подъ стрыхъ — за 40 гр(ошей) польскихъ, крупъ ячменныхъ подъ стрыхъ — за 33 гр(оши)*» (РИБ, XXX, 786, XVI в.). «...а за овса бочку посвольскую полъ копы грошей, а за солянку овса двадцать грошей такожъ Литовскихъ...» (АВАК, XXVI, 187, 1586). «...про то тамъ вездѣ... мають давати, вмѣсто чопового, отъ солянки солоду по 2 гроши польскихъ...» (АЗР, 111, 194, 1576).

Н. Горбачевский в своем словаре отмечает слово *solanka* как польское со значением меры, равной $\frac{1}{6}$ бочки, которою в древности мерили соль и картофель (336). В белорусских памятниках исследуемого периода *солянка* — мера для жита, пшеницы, овса, семени льняного, круп, соли, солода и др.

В подобном значении слово *солянка* отмечается только словарями польского языка. Словарь под редакцией Карловича (VI, 262) дает слово *solanka* со значением меры объема, вмещающей больше, чем $\frac{1}{8}$ часть бочки. Словари Срезневского и Кочина этого слова в данном значении совсем не приводят. В старом белорусском языке *солянка* в значении меры объема из польского языка, где первоначально это слово обозначало бочку для соли, меру для соли, потом произошло расширение его значения. В белорусских памятниках это мера объема вообще для сыпучих тел и жидкостей (солод).

В современных белорусском, русском и украинском языках слово *солянка* в значении меры неизвестно.

ЧЕТВЕРТЬ, ЧВЕРТЬ. Это единица измерения сыпучих тел, чаще всего зерна. В торговле она встречается значительно реже, чем крупные единицы измерения, служащие для оптовой торговли. Чаще ее можно встретить в документах, отражающих различные подати городских и сельских жителей. Например, «*Тамже на ратушу мають мѣти четверти мѣрныя и мѣрницу подихъ знаменемъ мѣстѣскимъ*» (СДГАМ, 5, 1511).

Слово *четверть* в значении меры сыпучих тел известно памятникам древнерусской письменности (Срезн., III, 1511). Словарь польского языка под редакцией Я. Карловича отмечает данное слово как русскую меру объема для сыпучих тел (Карл., I, 391).

Наряду с этим словом в рассматриваемый период жило другое слово, очевидно, с адекватным значением — *чверть* «...*же много людей убогих есть в месте, которые нетолко же — бы мели здолеть жита чверть купить, але за грош и за 2 купить не может хлеба, през недостаток свой...*» (ИЮММВ, 353—354, 1584).

Слово *чверть* в значении единицы измерения зерна просмотренными нами словарями не засвидетельствовано. Вероятно, данное слово появилось в актовом языке из местных диалектов.

Словари современного белорусского языка отмечают слово *чвэрць* в этом значении как устарелое (РБС, 759), слово *четверть* — отсутствует. В русском (Даль, IV, 601; Ушак., IV, 127) и украинском (Гр., II, 970) языках слово *четверть* бытует.

Наименования весовых единиц

БЕЗМЕНЪ. В значении единицы веса слово *безменъ* зафиксировано письменными памятниками с XIV века (Срезн., I, 60). Исследуемые памятники отмечают это слово также как весовую единицу. «...*а безмен меду идет по 4 гроша*» (ДМАМЮ, I, 75, 1545). «...*за каждый пудъ (меда — З. Д.) по 25 грошей, за безмѣнъ по 5 грошей*» (АЗР, V, 38, 1640).

В работе Д. И. Прозоровского «Монета и вес в России до конца XVIII столетия»⁶ находим указание на то, чему был равен безмен в Великом княжестве Литовском. Автор ссылается на Оршанскую уставную грамоту 1594 года, где показано отношение безмена к камню: камень = 4 безменам. А так как камень содержал 40 фунтов, то безмен равнялся 10 фунтам. В Русском же государстве безмен равнялся 2½ фунта, правда, позднее он увеличился до 10, 15 и 20 фунтов⁷.

Исследуемые документы показывают, что *безмен* применялся во внутренней жизни страны. Чаще всего на *безмен* взвешивался мед. В торговле с иностранными государствами *безмен* не встречается.

Слово *безмен* по происхождению является заимствованием из тюркских языков (Преобр., I, 60).

В значении единицы веса оно было широко распространено в русском языке. Отмечается в разных местах (Даль, I, 66; ДООС, 7; Бог., 22).

Словари современного белорусского, русского и украинского языков фиксируют слово *безмен* только в значении ручного прибора для определения веса, слово в значении меры веса вышло из употребления.

⁶ Д. И. Прозоровский, Монета и вес в России до конца XVIII столетия, СПб, 1865, стр. 258.

⁷ Там же, стр. 260.

БЕРКОВЕСКЪ (БЕРКОВЕЦЪ). Данное слово обозначает весовую единицу, очевидно, как и в русском языке, равную 10 пудам. «А восковой вес держать по старому закону, штоже наш берьковеск восковый болши вашего берьковеска полпудом ризького весу» (РЛА, 120, 1405). «...ест ли бы мѣщане Сурожские соль зѣ Риги водою до Сурожа для продаванья провадили, тогда отъ берковеска соли по чотыри гроши давати...» (АЗР, III, 156, 1570). «...также тежѣ на возѣ товары ихъ зѣ великою шкодою ихъ важатѣ, то есть, товары ихъ отъ нихъ припроважонные въ берковескѣ по десеть пудовѣ, а которые они отъ нихъ берутѣ, то есть, соль и иншия речи, только по девети пудовѣ въ берковескѣ у нихъ полочанѣ въ Полоцку заходитѣ...» (АВАК, VIII, 502, 1615).

Исследуемый материал показывает, что эта весовая единица использовалась главным образом при оптовой продаже и покупке во внешней торговле (чаще с Ригой). Обычно взвешивались на берковеск воск, пенька, упоминается продажа сала на берковеск.

В древнерусском языке слово берковецѣ встречается уже в XII веке (Срезн., I, 70). По происхождению оно является заимствованием из шведского языка (*biaerkö* — единица веса в 40 фунтов) (Преобр., I, 24; Бернек., 50).

Белорусские памятники отмечают это слово с XIII века (см. «Челобитная жителей Риги витебскому князю Михаилу Константиновичу о препятствиях им в торговле с Витебском», 1286—1307, РЛА, 26—28). Широко представлено слово берковескѣ и позднейшими памятниками.

Нам встретились словосочетания с существительным берковескѣ: берьковескѣ восковый, берковескѣ соленый.

Часто употребляются также слова, обозначающее половину берковеска — полуберковескѣ, полберковеска (последнее реже). «Про тож тыи купцы чужыи, опроч ярмарку, под тою меру повинни будутъ куповати воск в одной штуце по полуберковеску» (ЗА, 22, 1498). «Купити вам, немцем, у нас, у Полотъсце, немецкому купцю, полберковеска воску...» (РЛА, 120, 1405).

Слово берковецѣ известно в современном белорусском языке как устарелое (БРС, 123). В словарях современного русского и украинского языков оно также дается с пометой «устарелое».

ЗОЛОТНИКЪ. Это мелкая единица веса, равная $\frac{1}{96}$ фунта. Взвешиваются на золотникѣ обычно дорогие товары (шелк, серебро, жемчуг и др.). «...и тежѣ гостямъ приѣжчимъ такъ хрестьяномъ яко и жидомъ, на клѣткахъ посполъ зѣ ними сѣдѣти и на локоть и на фунтѣ и золотникѣ продавати не позволяли...» (АЗР, III, 198, 1576). «...перстень серебряный (мялѣ петнацать золотниковѣ серебра)» (РЛА, 120, 1405). Памятники называют вес, равный половине золотника — полузолотникѣ: «А серебряныи весы ризькии держати болши полочьких весов серебряных полузолотником» (РЛА, 120, 1405).

Слово *золотникъ* в значении единицы веса засвидетельствовано «Материалами» Г. Е. Кочина (129). Широко известно это слово русским памятникам. Приводится оно в этом же значении в Торговой книге XVI века⁸.

Со значением меры веса слово *золотникъ* является, видимо, восточнославянским словом. Словари других славянских языков, просмотренные нами, не фиксируют его.

В дальнейшей истории, когда в Великом княжестве Литовском государственным языком стал польский язык, слово *золотникъ*, вероятно, вышло из активного употребления, а получило распространение снова уже в то время, когда Белоруссия воссоединилась с Русским государством, под влиянием русского языка.

Словари современного белорусского языка дают слово *залатник* в значении меры веса как устарелое, то же отмечается в словарях современного русского и украинского языков. Вышло из употребления это слово в связи с введением в нашей стране метрической системы мер.

КАМЕНЬ. В исследуемых памятниках *камень* — очень распространенная весовая единица. Встречается в документах, отражающих как внешнюю, так и внутреннюю торговлю. Взвешиваются *камнем* разнообразные товары, в том числе металлы, а также воск, «лой», «селетра», «серка» и др. «*Теж мают продавати сукна поставом... олово мѣдь цину камнем*»... (СДГАМ, 4, 1511). «*Андрей Станиславовичъ, мѣщанинъ Виленский, зъ Люблина мѣлъ... товаръ свой... баволны каменей полъ 5..., розинковъ кошъ, въ немъ каменей 6... мѣди старое каменей 12...*» (Арх. сб., III, 306, 1583). «*А окромъ шацунку, мають платити мѣщане купцы Виленские: отъ каменя воску топленого по грошей дванадцать, отъ каменя лою по грошей два, отъ каменя пеньки по грошей два, отъ каменя льну по грошей пол-третья, отъ каменя накуль по грошу одному, отъ каменя хмелю по грошей полтора*» (АЗР, IV, 249, 1605). Изучаемые памятники не указывают точного веса камня. Н. Горбачевский в своем словаре приводит слово *камень* как литовский вес, составляющий 40 литовских фунтов и равный 36 русским фунтам и 17¹/₂ лотам (Горб., 178). Указание на то, что в Литве *камень* всегда содержал 40 фунтов, находим в работе Д. И. Прозоровского «Монета и вес в России до конца XVIII столетия»⁹.

Называется в памятниках также мера веса, равная ¹/₂ *камня* — *полкаменя*: «*...селитры полкаменя...*» (Арх. сб., III, 299, 1583). «*...кмену полкаменя...*» (Арх. сб., III, 304, 1583).

Слово *камень* является общеславянским (Шанск., 139). Однако в значении весовой единицы оно известно не во всех славянских языках.

⁸ И. Н. Шмелева, Русская торгова книга XVI в. (Издание текста, вводная статья, исследование о составе лексики Торговой книги), Кандидатская диссертация, Л., 1948 г.

⁹ Д. И. Прозоровский, указ. работа, стр. 258.

«Материалами...» И. И. Срезневского слово *камень* в этом значении не зафиксировано. Не упоминается оно и в Торговой книге XVI в., где представлена русская торговая терминологическая система конца XVI столетия. Отсутствует это слово в числе весовых единиц в работах, посвященных исследованию торговли Русского государства этого периода, а также русской метрологии¹⁰.

Существительное *камень* в значении весовой единицы отмечается словарем Г. Е. Кочина. Правда, дается один пример его употребления, да и то из «Памятников дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским», но это еще не говорит о его распространенности в древнерусской письменности. По всей вероятности, эта весовая единица является принадлежностью Польско-Литовского государства. Возможно, что в старом белорусском языке слово *камень* приобрело значение веса под влиянием польского языка, где это слово было известно и в значении единицы измерения.

Словари современного белорусского языка слова *камень* с указанным значением не фиксируют. Словарь Б. Гринченко указывает как одно из значений этого слова в украинском языке — вес в 24, 30, 32, 36 фунтов (1, 749). Из словарей русского языка это значение слова *камень* отмечено словарем В. Даля.

В качестве весовой единицы оно известно старочешскому (*kámen* = около 10 кг) (Голуб, 161) и польскому (*kamień* = 32 фунтам) (Карл., II, 211; Дорош., III, 498) языкам.

ЛИТРА. Данное слово засвидетельствовано памятниками древнерусской письменности с XI века в двух значениях: 1. весовая единица; 2. денежная единица (Срезн., II, 25). Слово *литра* является ранним заимствованием из греческого языка (*λίτρα*) (Преобр., I, 458).

Эта лексема продолжала жить и в языке складывавшейся белорусской народности. Исследуемыми памятниками слово *литра* широко представлено в значении весовой единицы для шелка, значение денежной единицы не зафиксировано. «*Теж маюг продавати сукна поставом..., шолки литрою...*» (СДГАМ, 4, 1511), «*...еще онъ самъ Иванъ мѣлъ на возѣ своемъ шолку посполитого литръ 79, то есть: цветного литръ 49 за копѣ 73, грошей 30, а чорного литръ 30 за копѣ 36...*» (Арх. сб., III, 311, 1583), «*...отъ литры шолку бурского цѣтного и чорного по грошей чотыри...*» (АЗР, IV, 250, 1605).

Документы называют слово, образованное от *литра* — *поллитры*. «*Максимъ Богдановичъ, мѣщанинъ Берестейский, зъ Люблина, мѣлъ товаръ свой:... шолку поллитры за грошей 36...*» (Арх. сб., III, 300, 1583).

¹⁰ См. Н. Костомаров, Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях, СПб, 1862; А. Л. Хорошкевич, Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках, изд. АН СССР, М., 1963 г.; А. В. Устюгов, Очерк древнерусской метрологии (Исторические записки, изд. АН СССР, 1946, № 19); Д. И. Прозоровский, назв. работа; И. Я. Делман, О мерах и метрической системе, М., 1955; 100 лет государственной службы мер и весов в СССР, М.—Л., 1945 г.

В дальнейшей истории белорусского языка слово *литра* в значении единицы веса вышло из употребления.

Литра как единица веса (фунт) известно в русском (Даль, II, 256) и украинском (Гр., I, 899) языках.

ЛОТЪ. Это наименование мелкой единицы веса, равной $\frac{1}{32}$ фунта. В белорусских памятниках на *лотъ* взвешивается обычно шелк. «...*шесть лотовъ шолку черленого по шести грошей купленого*»... (АВАК, XVIII, 40, 1592). «...*шолку лотовъ чотыры; лотъ по грошей пети*...» (АВАК, XXXI, 154, 1593).

Словарями И. И. Срезневского и Г. Е. Кочина слово *лотъ* не засвидетельствовано. Русские памятники письменности XVI века также не отмечают этого слова. В Торговой книге XVI века *лотъ* не упоминается. Следовательно, в Русском государстве он не был в то время в употреблении. Профессор И. Я. Депман в работе «О мерах и метрической системе» пишет: «В XVIII веке был уточнен вес фунта (гривенки) и введено деление фунта на 32 лота, лота на 3 золотника...»¹¹ Вероятно, официальное признание *лота* как единицы веса относится в России к XVIII веку.

Исследуемый материал показывает, что слово *лотъ* как весовая единица жило в актовом языке Великого княжества Литовского уже в конце XVI века.

В актовом языке слово *лотъ* из немецкого языка (*Lot*).

Словари современного белорусского языка отмечают слово *лот* в значении «старинная русская мера веса» с пометой «историческое» (БРС, 423). В таком же значении приводят это слово словари современного русского и украинского языков. Слово *лот* вышло из употребления после введения метрической системы мер.

Известно данное слово и другим славянским языкам: в старопольском *tot* — $\frac{1}{32}$ фунта (Карл., II, 816), в старочешском *lot* — единица веса, равная $\frac{1}{16}$ гривны (Мах., 276), в болгарском *лот* — $\frac{1}{2}$ унции, сербское — *лот* (Микл., 328).

ПУДЪ. Данное слово обозначает меру веса, равную 40 фунтам. Древнерусскими памятниками слово *пудъ* представлено очень широко. Уже в XII веке оно выступает в значении весовой единицы (Срезн., II, 1724). И. А. Шмелева в кандидатской диссертации «Русская торговая книга XVI века» отмечает, что в русской торговле *пуд* использовался без ограничений.

Рассматриваемый материал показывает, что *пудъ* в значении единицы веса был распространен и в языке белорусской народности. Применялся *пуд* как во внутренней жизни страны, так и во внешней торговле. «*А восковой вес держать по старому закону, штоже наш берьковеск восковый больши вашего берьковеска полпудом. ризького весу.*» (Договорная грамота полоцких и рижских купцов, 1405 г., РЛА, 120). «...*а взяли в ного пудъ меду, который былъ купилъ на дань*

¹¹ И. Я. Депман, «О мерах и метрической системе», М., 1955, стр. 13—14.

панскую» (РИБ, XX, 189, 1514). «Могилевецъ Сысой Карповъ бьетъ чоломъ на зязмитина на Якова Гаврилова, что дей у него тотъ вязметинъ товару взялъ сукна Лимборского десять половинокъ да чотыри пуды ладану» (КП, II, 278, XVI в.). «Полоцкий бурмистр Мирон Екимов да мещанин Тимофей Кузьмин сказали у себя пеньки 46 бунтов, а в бунте по 20 по 5 пуд на полоцкой вес, итого 1150 пуд» (ЦАДА, ф. 214, стр. 1470, Подлинник, 1662).

В изучаемых памятниках существительное *пудъ* встречается в словосочетаниях: *пудъ полоцкий* (ДМАМЮ, I, 75, 1545) *15 пудовъ пятерныхъ* (АЗР, V, 38, 1640), *скудный пудъ* (БА, III, 203, 1656).

Образования от *пудъ*: *полпуда*, *пудовое* (пошлина).

По происхождению слово *пудъ* является древнерусским заимствованием из германских языков (нем. *Pfund*, англ. *pound*, которые с латинск. *pondus*) (Преобр., II, 150).

Слово *пуд* в этом значении известно современному белорусскому языку (БРС, 766; Матэрыялы, 79), а также русскому (ССРЯ, XI, 1656) и украинскому (УРС, IV, 550) языкам.

ПУНДЕЛЬ. Отмечается нашими памятниками в значении меры веса. «...у возе было ечменю бочка меры крокиновское..., соли пундели два» (АВАК, XXVI, 131, 1585). Встретилось нам это слово в документах, написанных на территории собственно Литвы (Упитский повет).

Из просмотренных словарей славянских языков данное слово отмечается только словарями польского языка. Словарь под редакцией Я. Карловича фиксирует слово *pundel* со значением веса в 25 фунтов (Карл., V, 433). К. Яблонскис в работе «Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos raštinių kalboje» приводит несколько текстов со словом *пундель*, написанных на территории Литвы и относящихся к исследуемому периоду. Например: «Соли пунъ дели два, купленные за двадцать грошей литовских...» (1599, Таугагè); «Масла тры пундели — золотых чотыры каштовало» (1634, Žeimis, Upytės р.)¹². Автор относит это слово в группу слов нелитовских по происхождению, но проникших в актовый язык из литовского языка (*pundelis*). Учитывая распространенность слова *пундель*, с этой точкой зрения можно согласиться.

В современном белорусском языке слово *пундель* отсутствует.

ФУНТЪ. Это название единицы веса. Памятники письменности отмечают слово *фунтъ* с XIV века (Срезн., III, 1358).

В памятниках белорусской письменности *фунтъ* выступает в значении весовой единицы, равной 32 лотам (Горб., 195). Использовался он очень широко как во внутренней, так и во внешней торговле. Продавались на *фунтъ* различные дорогие (обычно привозные) товары. «Тежъ тые купцы чужши опричь ярмарку подъ тую меру продавати мають... перецъ, имбер(ь), микгдалы и иншые зелья простые — каменъ, шафранъ, мушкаты, гвоздики, квѣтъ мушкатовый, кгалканъ, цытваръ и иншые зелья дорожшия — фунтомъ...» (РИБ, XXVII, V, 703—704, 1498). «...онъ самъ Иванъ мѣлъ товаръ свой... гвоздиковъ

¹² К. Jablonskis, указ. работа, стр. 285, 286.

фунтовъ 14 по пенезей $7\frac{1}{2}$; къѣту мушкатового фунтовъ 6 по пенезей $7\frac{1}{2}$; цынамону фунтовъ 6 по пенезей $7\frac{1}{2}$; иртути фунты 2 за грошей 24, галок мушкатовыхъ фунты 3...» (Арх. сб., III, 305, 1583). «...отъ фунта строки едвабноѣ по грошей шесть...» (АЗР, IV, 250, 1605).

Слово *фунт* в восточнославянских языках является заимствованием из немецкого языка (*Pfund*) (Преобр., II, 150).

Лексема *фунт* в современном белорусском языке является принадлежностью пассивного словарного состава (РБС, 740); однако живет с ней фразеологическое выражение «*куведаць, пачым фунт лиха*». В современном русском языке данное слово является также устарелым (Ушак., IV, 1124).

Известно оно и другим славянским языкам: польское — *funt* (Карл., I, 783), чешское и словацкое — *funt* (Мах., 113), сербохорватское — *фунта* (Толст., 1035), болгарское — *фунт*.

ЦЕНТНАРЪ. В исследуемых памятниках данное слово обозначает крупную единицу веса. Н. Горбачевский считает, что литовский *центнар* содержал в себе 200 литовских фунтов и был равен приблизительно 23 русским пудам (Горб., 56). Исследуемый материал показывает, что *центнаром*, как правило, взвешивались привозные металлы. «*Тежѣ тые купцы чужши опричѣ ярмарку подѣ тую меру продавати мають..., железо, олово, мед(ь), цыну, мосяжѣ и иншыя речы таковскіе — ц е й т н а р о м ѣ...*» (РИБ, XXVII, V, 703—704, 1498). «*Михайло Савинѣ, мѣщанинѣ Менскій, провади съ Кролевца... олову цетнаровѣ 14 и фунтовѣ 35...*» (АВАК, XIV, 649; XVI в.).

«Материалы» И. И. Срезневского и Г. Е. Кочина не фиксируют данного слова. Не называет этой весовой единицы и Русская торговая книга XVI века. В работах по русской метрологии данного периода слово *центнарѣ* также отсутствует.

Раннее упоминание слова в рассматриваемых памятниках относится к 1498 году (Привилей Полоцку на Магдебургское право).

Данное слово в старом белорусском языке заимствовано через польский язык из немецкого (*Zentner*).

В современном белорусском языке живет лексема *цэнтнер* (=100 кг), но это, очевидно, более позднее заимствование из русского языка.

Современному русскому и украинскому языкам известно также слово *центнер*. В польском языке отмечаются *centnar*, *cetnar*, *setnar* (Карл., I, 262).

* * *

Рассмотренный материал позволяет сделать некоторые выводы относительно формирования наименований мер жидких и сыпучих тел и весовых единиц, используемых в торговле Великого княжества Литовского.

Названия указанных мер представлены в исследуемых памятниках довольно широко. Большое разнообразие отмечается особенно в

наименованиях мер жидких и сыпучих тел. Это связано с тем, что в период XV — начала XVII веков в Великом княжестве Литовском не было единых мер для всего государства, существовали и местные единицы измерения. Разнообразие мер объясняется еще и тем, что в торговле за каждым товаром была закреплена определенная мера. Обычно в привилеях городам указывалось, какие товары какой мерой должны были продаваться.

По происхождению терминология, обозначающая меры, различна. Появилась она в деловом языке Великого княжества Литовского в разное время и из разных источников.

Самую старую группу названий исследуемых единиц измерения составляют слова, восходящие к древнерусскому языку (сюда включаются также общеславянские названия мер и древнейшие заимствования). В их число входят как наименования мер сыпучих тел и жидкостей, так и весовых единиц: *бочка, корецъ, мера, мерка, мѣхъ, четверть, золотникъ, безменъ, пудъ* и др.

Эти единицы измерения известны в XV—XVI веках и в Русском государстве.

Вторую группу наименований единиц измерения представляют слова, которые отсутствовали в древнерусском языке и отмечаются только в белорусских письменных памятниках. Это, по нашему мнению, лексика, проникшая в деловой язык из белорусских территориальных диалектов: *краковка, полубочокъ, глякъ, крошня, четверть*. Все эти слова являются наименованиями мер сыпучих и жидких тел. Исследуемые памятники свидетельствуют о том, что они широко употреблялись на протяжении XVI столетия.

Словарями белорусского языка эти названия, кроме *четверть*, не зафиксированы.

Для слов, обозначающих меры жидких и сыпучих тел, в указанных двух группах характерно то, что как единицы измерения в торговле они возникли на базе общенародного языка, часто от слов бытовой лексики и ремесленной терминологии.

Довольно большую группу названий единиц измерения составляют заимствования¹³. Поскольку Великое княжество Литовское (а в его составе и белорусские земли) вело оживленную торговлю с другими странами, то это вполне естественно нашло отражение и в наименовании мер. Вместе с новыми мерами и новыми предметами торговли усваивались и их иностранные названия.

В наших памятниках засвидетельствованы наименования единиц измерения, заимствованные из разных языков, например: из польского — *гарнецъ, камень, солянка* и др.; из немецкого — *дрелинкъ, куфа, цент-*

¹³ На то, что заимствованная лексика занимает заметное место и в названии мер в Русской Торговой книге XVI века, указывает И. Н. Шмелева в статье «Торговая терминология XVI века» (сб. Начальный этап формирования русского национального языка, изд. Ленингр. ун-та, 1961, стр. 181).

наръ и др.; из итальянского — *барилъ, пипа*; из венгерского — *антелокгъ*; из латинского — *кварта*; из литовского — *кетвиртайня, пундель*. Следует отметить, что в некоторых случаях проводником при заимствовании иностранных названий единиц измерения служил польский язык.

Из приведенных заимствований русскому языку этого периода и позднее известны не все названия мер. Отдельные заимствованные метрологические единицы отмечаются белорусскими письменными памятниками раньше, чем русскими, например: *кварта, лотъ, фунтъ, центнаръ*.

Дальнейшая судьба названий единиц измерения сыпучих тел и жидкостей, а также весовых единиц, существовавших в исследуемый период, не совсем одинакова. Шло совершенствование метрологической системы в торговле, одни единицы измерения заменялись другими, отмирали единицы менее определенные, сохранялись более точные.

С уходом из жизни предметов, реалий связано и исчезновение их названий. Многие наименования единиц измерения уже давно вышли из употребления (*антелог, краковка, полубочок, дрелинк, кош, крошня* и др.).

Наименования более определенных, точных мер жили в белорусском языке значительно дольше, и некоторые вышли из употребления только в связи с введением метрической системы мер в нашей стране, например: *беркавец, залатник, лот, фунт, чверць* и др. Небольшая часть из рассмотренной лексики в современном литературном белорусском языке сохранилось в качестве активной, употребительной: *мера, мех, пуд* и др.

Наиболее устойчивыми оказались наименования мер, восходящие к лексике древнерусского языка: *бочка, мера, мерка, мех, пуд* и др., а также некоторые заимствования исследуемого периода: *барыла, гарнец, кварта, фунт* и др.

Vilniaus Valstybinis V. Kapsuko v.
universitetas
Rusų kalbos katedra

Įteikta
1963 m. gruodžio mėn.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И СЛОВАРЕЙ

Источники

- АВАК — Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею для разбора древних актов, Вильна, тт. I—XXXIII, 1867—1908.
- АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею, тт. I—V, СПб., 1846—1855.
- АЛМ — Акты Литовской метрики, т. I, вып. I, 1413—1498, Варшава, 1896.
- Арх. сб. — Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, тт. III, IV, 1867.
- БА — Белорусский архив, т. II, Минск, 1928; т. III, Минск, 1930.

- ДМАМЮ — Документы Московского архива Министерства юстиции, т. I, М., 1897¹⁴.
- ЗА — Законодательные акты Великого княжества Литовского XV—XVI вв., Л., 1936.
- ИЮММВ — Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг Могилевской и Витебской губерний, вып. 8, Витебск, 1877.
- КП — Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Стефана Батория (с 1573 по 1580 год), т. II, М., 1843.
- РИБ — Русская историческая библиотека, т. XX, СПб. Литовская метрика. Книга судебных дел, т. XXVII, 1903. Литовская метрика. Книга записей, т. XXX, 1910. Литовская метрика. Книга публичных дел.
- РЛА — Русско-ливонские акты, издаваемые Археографическою комиссиею, СПб., 1868.
- СДГАМ — Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам, Минск, 1848.
- ЦАДА — Центральный государственный архив древних актов.

С л о в а р и

- Бог. — Областной словарь колымского русского наречия, собрал В. Г. Богораз, СПб., 1901.
- БРС — Белорусско-русский словарь, под ред. акад. АН БССР К. К. Крапивы, М., 1962.
- Васн. — Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора Н. М. Васнецова, Вятка, 1907.
- Горб. — Н. Горбачевский, Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и царства Польского, Вильно, 1874.
- Гр. — Б. Гринченко, Словарь украинского языка, Киев, 1909.
- Даль — В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I—IV, М., 1955.
- Добр. — В. Н. Добровольский, Смоленский областной словарь, Смоленск, 1914.
- ДООС — Дополнение к опыту областного великорусского словаря, издание II Отд. Императ. Ак. Наук, СПб., 1858.
- Дюв. — А. Дювернуа, Материалы для словаря древнерусского языка, М., 1894.
- Кочин — Г. Е. Кочин, Материалы для терминологического словаря древней России, Л., 1937.
- Кул. — Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении, составил Г. Куликовский, изд. Отд. рус. яз. и словесности Импер. АН, СПб., 1898.
- Матэрыялы — Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы, пад рэд. Ф. Янкоўскага, М., 1960.
- Мельн. — Г. Г. Мельниченко, Краткий ярославский областной словарь, Ярославль, 1961.
- Микл. — Краткий словарь шести славянских языков (русского с церковнославянским, болгарского, сербского, чешского и польского), а также французский и немецкий, под ред. проф. Миклошича Ф., СПб. и Москва, Вена, 1885.
- Нос. — Словарь-белорусского наречия, составленный И. И. Носовичем, СПб., 1870.
- ООС — Опыт областного великорусского словаря, изд. II Отд. Импер. АН, СПб., 1852.

¹⁴ ДМАМЮ, ИЮММВ, РЛА, ЦАДА цитируются по книге «Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов в 3 томах. Т. I. С древнейших времен до середины XVII в.». Изд. АН БССР, Минск, 1959.

- Писк. — Ф. Пискунов, Словарь живого народного, письменного и актового языка русских южан, Киев, 1882.
- Подв. — Словарь архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении, собрал. А. Подвысоцкий, изд. II Отд. Импер. АН, СПб., 1885.
- Преобр. — А. Г. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, тт. I—II, М., 1959.
- РБС — Русско-белорусский словарь, под ред. Я. Коласа, К. Крапивы, П. Глеб-ки, М., 1953.
- Срезн. — И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, тт. I, II, III, СПб, 1893—1912.
- СССРЯ — Словарь современного русского литературного языка, изд. АН СССР, тт. I—XIV, М., 1948—1963.
- Тимч. — Историчний словник українського языка под ред. проф. Е. Тимченко, т. I, Киев, 1930.
- Толст. — И. И. Толстой, Сербско-хорватско-русский словарь, М., 1957.
- УРС — Украинско-русский словарь, гл. ред. И. А. Кириченко, изд. АН УССР, тт. I—V, Киев, 1953—1962.
- Ушак. — Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова, тт. I—IV, М., 1935—1940.
- ЧРС — Чешско-русский словарь, сост. А. И. Павлович, изд. III, М., 1962.
- Шанск. — Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка, Учпедгиз, М., 1961.
- Янк — Ф. Янкоўскі, Дыялектны слоўнік, изд. АН БССР, тт. I—II, Минск, 1959—1960.
- Арцт — M. Arcta, Słownik staropolski, Warszawa.
- Бернек. — E. Berneker, Slavisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1908.
- Брюкн. — A. Brückner, Słownik etymologiczny języka polskiego, Warszawa, 1957.
- Голуб — J. Holub, F. Kopečný, Etymologický slovník jazyka českého, Praha, 1952.
- Дорош. — Słownik języka polskiego, red. M. Doroszewski; t.t. I—IV, Warszawa, 1958—1962.
- Карл. — Słownik języka polskiego, pod red. J. Karłowicza, A. Kryńskiego, W. Niedźwiedzkiego, t.t. I—VIII, Warszawa, 1900—1935.
- Линде — S. Linde, Słownik języka polskiego, t.t. I—VI, 1854—1860.
- Мах. — V. Machek, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, Praha, 1957.
- Фасмер — M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, t.t. I—III, Heidelberg, 1958.

IS BALTARUSIŲ KALBOS ISTORINĖS LEKSIKOS, REIŠKIANČIOS MATŲ IR SAIKŲ VIENETUS PREKYBOJE

Z. DAUNIENE

Re z i u m ė

Pateikiamas skaitytojui straipsnis sudaro dalį darbo, tyrinėjantį vienos leksinės grupės žodžių iš profesionalinės leksikos (prekybos terminų) atsiradimą (susidarymą) ir išsivystymą senojoje baltarusių kalboje, remiantis D.L.K XV ir XVII a. pradžios senaisiais baltarusių kalbos rašytiniais paminklais.

Straipsnyje tyrinėjama leksika, apimanti biriųjų ir skystųjų kūnų pavadinimus, o taip pat ir jų svorių vienetų terminus.

Minėtųjų matų ir saikų pavadinimai buvo gana plačiai vartojami tyrinėjamuose baltarusių kalbos raštų paminkluose.

Pastebimas didelis skystųjų ir biriųjų kūnų, jų saikų ir matų pavadinimų įvairumas.

Savo kilme terminologija, reiškianti matų ir saikų vienetus, įvairi. Atsirado ji baltarusių kalbos tarnybiniuose raštuose įvairiais laikais.

Pačią seniausią saikų ir matų pavadinimų grupę sudaro žodžiai, įeinantys į senosios rusų kalbos leksiką (į šią grupę įjungiami ir bendraslaviški matų ir saikų pavadinimai, o taip pat ir seniausieji skoliniai): *бочка, корецъ, мера, мерка, мѣхъ, четверть, золотникъ* ir t. t. Antrajai grupei priklauso tie pavadinimai, kurių nebuvo senoje rusų kalboje ir kurie buvo užfiksuoti tik baltarusių kalbos rašytiniuose paminkluose. Tai, mūsų nuomone, leksika, prasiskverbusi į tarnybinius raštus iš baltarusių kalbos teritorinių dialektų: *полубочокъ, глянъ, крошня, чверть* ir t. t.

Šioms dviem matų ir saikų pavadinimų grupėms būdinga tai, kad šie žodžiai, kaip matų ir saikų vienetai, atėjo į baltarusių aktų kalbą iš bendraliaudinės šnekamosios kalbos, dažniausiai iš buitinės leksikos.

Gana gausią matų ir saikų pavadinimų grupę sudaro skoliniai.

Tyrinėjamuose baltarusių raštų paminkluose yra užfiksuota matų bei saikų vienetų pavadinimai, pasiskolinti iš įvairių kalbų: iš lenkų (*гарнецъ, камень* ir kt.), iš vokiečių (*дрелинкъ, куфа* ir kt.), iš lietuvių (*кетвиртайня, пундель*) ir t. t.

Tolesnis biriųjų ir skystųjų kūnų matų ir saikų ir jų svorio vienetų pavadinimų likimas ne visiškai vienodas. Dauguma iš jų jau seniai nebevartojami. Pavadinimai, reiškiantys labiau apibrėžtus tikslesnius matų ir saikų vienetus, gyvavo baltarusių kalboje daug ilgiau, o kai kurie iš jų išnyko iš baltarusių kalbos, tik įvedus mūsų šalyje metrinę matų ir saikų sistemą, pvz.: *беркавец, залатник, лот, фунт, чвэрць*.

Nedidelė ištirtosios leksikos žodžių dalis išliko baltarusių kalbos aktyvioje leksikoje iki mūsų dienų, kaip antai: *мера, мех, пуд* ir kt.

Pastoviausi pasirodė tie žodžiai (matų ir saikų pavadinimai), kurie įėjo į rytų slavų kalbų leksiką, o taip pat ir kai kurie tyrinėjamojo periodo skoliniai.
